

Илья Кукуй

Университет Людвиг-Максимилиана, Мюнхен (Германия)
ilja.kukuj@lmu.de

Ilja Kukuj

Ludwig-Maximilians-Universität Munich (Germany)
ilja.kukuj@lmu.de

«ВПИТЫВАЮ ИНФОРМАЦИЮ КАК ГУБКА»:
РАЗВЕРНУТЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ОДНОМУ ВЕНСКОМУ
ПИСЬМУ КОНСТАНТИНА КУЗЬМИНСКОГО

“I ABSORB INFORMATION LIKE A SPONGE:”
AN EXTENDED COMMENTARY ON ONE VIENNESE
LETTER BY KONSTANTIN KUZ’MINSKY

Месяцы, проведенные поэтом Константином Кузьминским в Вене в 1975–1976 гг., решающим образом сформировали его личную картину западного мира и его обитателей, в особенности той его части и тех его представителей, которые имели непосредственное отношение к интересующему Кузьминского полю: современной неофициальной русской поэзии и изобразительному искусству, возможностям его пропагандирования и распространения и, конечно, собственным перспективам как поэта и культуртрегера. На материале одного неопубликованного письма в статье комментируются те вопросы, проблемы и темы, которые нашли отражение в переписке и прозе Кузьминского и характеризуют его личную ситуацию венского транзита.

Ключевые слова: советская эмиграция, неофициальная советская культура, Вена, Константин Кузьминский.

The months spent by the poet Konstantin Kuz’minsky in Vienna in 1975–1976 decisively shaped his picture of the Western world and its inhabitants, especially that part of it and its representatives who were directly related to the field of Kuz’minsky’s interest: contemporary unofficial Russian poetry and visual art, the possibilities of its propaganda and dissemination, and, of course, his own prospects as a poet and cultural critic. Using the material of one unpublished letter, the article comments on the issues, problems and themes that are reflected in Kuz’minsky’s correspondence and prose and characterise his personal situation in the Viennese transit.

Keywords: Soviet emigration, unofficial Soviet culture, Vienna, Konstantin Kuz’minsky.

К. К. Кузьминский — неустановленному лицу
18 августа 1975 года¹

Милдруг!

Запад есть запад. На западе нет общих проблем, есть проблемы частные. Существование ленинградских поэтов Западу неизвестно. Равно и художников. И не потому, что нет информации — была и информация, просто никому не интересно, за вычетом горсточки русистов, да и тем не очень (суди по Барбарам и прочим, это характерно). Интерес к России составляет примерно 0,5 процента от общего, если судить по журналам, газетам, разговорам. И это еще много. При том потоке информации, который заливают Запад, удивительно, что еще знают о существовании России, да и то благодаря одному человеку. Даже проститутка из ночного бара читала и смотрела фильм. Но на этом и заканчивается. За этот месяц в Вене я порядком поостыл и начал осматриваться. Всё это благодатнейший материал для моего романа. Пишу уже третий печатный лист (это за месяц), а впереди еще непечатый край впечатлений, фактов, информации, на сей раз уже о западных проблемах. Вена город провинциальный по образу жизни, я не говорю о туристах, и потому показательный. То, что не интересует венцев, не интересует всю Европу и большую часть Америки. А не интересует их всё. Запад задыхается от переизбытка информации, от невероятного рынка товаров, от смещения проблем всех наций (а их, надобно сказать, в мире много).

Рядом с отелем на кладбище лежат в братской могиле Отто Скорцени и Теодор Герцель — и что? Скорцени хоронили при мне. Прах привезли из Мадрида, где он делал вид, что скрывался. Прах же Герцеля увезли в Израиль, оставили плиту и цветы. Никого это здесь не волнует, ни Скорцени, ни Герцель, ну, заметочка в пол-листа, а назавтра забыли. Кристине Онассис посвящаются 20 страниц журнала, а греку же Костаки — один столбец. Понятно? При этом всё издается, всё печатается, и никем не читается. Сюзаннина книжка пошла под нож, она выкупила 500 экземпляров друзьям на память. И это при ее имени. Русские поэты, малайские поэты, малоазийские поэты, буэно-айресские поэты популярны, как у нас Владимир Санги. В магазинах китайская спаржа, перепелиные яйца из Японии, португальские анчоусы, эквадорские фрукты, австралийское мясо, американские сигареты — Новый Вавилон, и то же в культуре. Я зашел купить настоящий афганский кинжал в малюсенький магазин на Марияхильфштрассе (своего рода Невский), мне предложили ножи: арабские, сирийские, треугольные индийские кинжалы, бумеранги, духовые трубки и тсантасы Южной Америки, китайские барабаны, масайские копья — всё это стоит копейки и никем не покупается. А ведь это тоже произведения

¹ Archive of Amherst Center for Russian Culture. Konstantin Kuzminsky Papers. Box 7. — Публикуется впервые.

КУЛЬТУРЫ! И здесь так со всем. Всё есть — и никому не нужно. Нужно и пощадить западного потребителя, не прибавлять ему забот, устал он — в Вене зарегистрировано 3000 художников, это не считая тех, что рисуют на тротуарах или просто не выставляются. В Париже их, соответственно, 30000. Вена ведь провинция. Магазины кистей и красок, какие мне и не снились, магазины репродукций — от открыточного формата до 2-х метров, половины, больше!, художников я и не знаю, магазины икон — я таких икон не видел, по письму и сохранности, магазины камней — шлифованные сибирские изумруды, американские лазуриты, африканские аметисты, уральские малахиты — стоят копейки, продаются шлифованные, граненые, оправленные, в породе — и всё это даже мне по средствам. По средствам здесь всё, но этого всего столько, что это уже не по средствам. И поэтому не берут. И встает вопрос — а что ты представляешь для Запада, нужен ли, и зачем. Твои проблемы — не его проблемы, твои беды — не его беды, и твое существование его не волнует. Здесь видишь воочию, что такое ПОТОК информации. И дай-то Бог влиться в него тонюсенькой струйкой, а заметят ли ее — Бог весть. Так что «не ходите, дети, в Африку!» Африке не до того. Здесь нужно иметь четыре головы, чтобы прожить. Не как-нибудь, как-нибудь можно везде, а как следует — это очень трудно. Профессия, специальность, вес. У меня это, слава Богу, художбно, но есть. У меня, слава Богу, хватает знакомой профессуры. Сейчас получил письмо от Джексона (который не сенатор), приглашает прочесть 1 (одну) лекцию в Йельском университете. И заплатить. Потом по прочим заведениям, и так далее. Но мне ЕСТЬ, о чём читать. В политике я не смыслю, да она всем здесь обрыдла, зато смыслю в поэтике. Кроме того, моя библиотека — в голове. Так что справлюсь. Плюс еще экскурсоводческий и лекционный опыт. А так, будь я только поэтом — издать книжечку за свой счет, купить пистолет (любой, здесь продаются все довоенные, как антиквариат, дуэльные и т. д., считается, что ими нельзя убить — в самом деле, не пойдет же гангстер с кремнёвым пистолетом на дело, а убить можно и утюгом) и, значит, застрелиться. Потому что более делать нечего. Машинистки здесь нужны, а поэты — нет. Но горят люди в Вене ярким пламенем. Развод прост, если один из супругов едет в Израиль. Там ему просто выдают справку, что он не женат. А разводиться в Вене или в Штатах хуже, чем в Союзе. Тянется до двух лет и стоит свыше 2000 долларов. Тут застряли мои друзья по этой причине. Редкостный умница Игорь, которого я вербую из матлингвистов в структуральные аналитики, он же яростно сопротивляется, сидит по этой причине в Вене и уже одичал. В благотворительных же организациях на это смотрят косо. Правда, не убивают, кормят, но собираются порядки изменить. Все благотворительные организации прекрасны, но я прирожденный толстовец, Толстой же опекает нашу братию дефективных — художников, поэтов, язычников, душевнобольных, не имеющих профессии и т. д. Жить можно, если не покупать афганских гинджалов и не ходить в ночные бары.

Вот, собственно, что я имею сообщить. Быт здесь налажен. Дают 50 австрийских шиллингов в день и койку или комнату (в зависимости от семейного положения), трамвайный или автобусный билет стоит 6 шиллингов, пачка сигарет не меньше 16, чашечка кофе 5.50, батон 10, курица 40, кино 25, газета 10–15, книги от 40 и выше, костюм 1500 (приличный, дает фонд), ботинки 200–500, афганский кинжал 250, тсантса (поддельная) 500, банка ананасов 12.50, мыло 7–10, перец зеленый 6 (штука), яблоки 1–2 (штука), банка сока 12.50 и так далее. Так что жить можно. Помогают в течение 2-х лет, ежели сам ни на что не годен. Потом передают в райсобес. Или как оно там называется.

Миша Шемякин не пример, а исключительный случай. При его невероятной работоспособности он пока работает из 27-ми процентов. Остальное берет галерея. Обязан сдавать столько-то работ в месяц. Притом пока всё еще как график. Но это за три года. Самовары здесь не нужны, равно и все прочее. Все книги есть в «Интербуке». Здесь нужны деньги, деньги и деньги. И умение их заработать. Я сейчас учусь. На интервью не заработаешь, дал одно в «Свенске дагбладет», общего характера, и всё. Пишу роман.

Вот так здесь живется. Должен сказать, неплохо. И жалеть не о чем. Ностальгия пока еще не ощущается, и у моих друзей ни у кого тоже.

Впитываю информацию как губка. Потом выдам. Проза идет.

Целую всех, всех, всех.

Константин Кузьминский

Вена, 18 августа

Хотэль цум Тюркен

* * *

Существование ленинградских поэтов Западу неизвестно. Равно и художников. — Поэт и культуртрегер Константин Константинович Кузьминский (1940–2015) до своей эмиграции в 1975 году был одной из виднейших фигур неофициальной литературной и художественной сцены Ленинграда. С конца 1950-х годов он принимал участие и организовывал поэтические чтения; ему принадлежат первые поэтические антологии неофициальной поэзии и прозы (*Антология советской патологии*, *Живое зеркало*, *Лепрозорий-23*), самиздатские сборники и подборки ленинградских поэтов (И. Бродский, Д. Бобышев, Г. Горбовский, О. Охупкин и др.); на квартире Кузьминского на бульваре Профсоюзов проходили выставки неофициальных художников и фотографов («Выставка 23-х», «Под парашютом»). Впоследствии, уже будучи в США, Кузьминский составил монументальную *Антологию новейшей русской поэзии у Голубой лагуны* в девяти книгах (1980–1986; далее в тексте как *Антология*)², значительное место в которой было уделено и художникам. Желание сделать подводную/подпольную часть культуры советского времени видимой было для Кузьмин-

² Ссылки на *Антологию* даются в тексте как АГЛ с указанием тома и страниц.

ского основным стимулом эмиграции — неделей позже комментируемого письма он пишет Роберту и Лесли Джексонам³ в США: «В эмиграции я себя не считаю, это просто творческая командировка на всю оставшуюся жизнь, для ознакомления с западной культурой и для ознакомления такой с культурой русской» (Кукуй 2022: 62).

...за вычетом горсточки русистов... — По сравнению со многими эмигрантами, Кузьминский обладал большим числом контактов с представителями европейского и американского академического мира, которые приезжали в Москву и Ленинград на стажировку и для которых Кузьминский служил своеобразным Вергилием по кругам ленинградского андеграунда. Большую роль здесь играло относительно хорошее владение английским: Кузьминский окончил первую в СССР школу с углубленным изучением английского языка (№ 213, набережная Фонтанки, 48)⁴. Он не без оснований рассчитывал на поддержку славистов: так, первой (и последней штатной) работой Кузьминского в США стал полугодичный контракт преподавателя английской (!) литературы в Техасском университете г. Остина, полученный благодаря профессору этого университета Сиднею Монасу, знакомому Кузьминского по Ленинграду. Места этого Кузьминский из-за своего поведения, не совместимого с нормами академического быта, быстро лишился, однако в течение следующих нескольких лет мог продолжать неоплачиваемую работу в рамках некоммерческого Института современной русской культуры у Голубой лагуны, основанного профессором того же университета Джоном Боултом (см. Боулт 2022а и 2022b). Институт дал имя *opus magnum* Кузьминского — его *Антологии*. Об университетской карьере Кузьминского см. Морс 2022.

...суди по Барбарам и прочим... — Барбара Хельдт, в первом замужестве Монтер (Barbara Heldt Monter), во время обучения в аспирантуре во второй половине шестидесятых училась по программе Фулбрайта в Москве и в Ленинграде познакомилась с Кузьминским. В 1972 году выпустила книгу *Kuz'ma Prutkov. The Art of Parody* (Mouton, 1972); одна из первых исследовательниц, начавших тему гендерных исследований и женского письма в России; перевела Каролину Павлову, автор монографии *Terrible Perfection: Women and Russian Literature* (Indiana University Press, 1987). Феминистские взгляды Барбары Монтер Кузьминскому были известны, что не помешало ему эпатировать корреспондентку в письме из Вены от 19 ноября 1975 г. следующими строками о своей предполагаемой поездке в Париж: «В Париже же сейчас делается целый ряд сборников и альманахов, в которых мне предлагают принять участие. Невзирая и феминизм и лиф-

³ О Р. Джеконе см. ниже.

⁴ Заведующим английской учебной частью работал Л. В. Хвостенко, сын которого, будущий поэт и певец Алексей Хвостенко, учился на класс младше Кузьминского. Об истории школы см. (Гришков и др. 2006).

чики (для тепла) я остался таким же мизогиним и ознаменуя свое появление вышибанием всех баб из них, начиная с Виолетты Иверни, которая гениальная поэтесса»⁵. Об отражении «женского вопроса» в *Антологии Кузьминского* см. наблюдение Ивана Ахметьева: «При ярко выраженном интересе к женщинам как сексуальным объектам ККК скептически оценивал их способности к поэзии. Нельзя недооценивать здесь значительную долю поэты, но характерно, что исключения возникали в основном тогда, когда сексуальный и эстетический моменты совпадали (характерные примеры — Щапова, Медведева). В общем, ККК и политкорректность — несовместимы» (Ахметьев 2022: 545). Комментируемое замечание Кузьминского свидетельствует, в первую очередь, о его раздражении тем, что «трупоеды»-русисты занимаются околотитературными вопросами и не интересуются тем, чем должны интересоваться, — живыми поэтами. (Хотя интерес Монтер к Козьме Пруткову не мог не вызвать у Кузьминского одобрения.)

...удивительно, что еще знают о существовании России, да и то благодаря одному человеку. — Имеется в виду Б. Л. Пастернак и его роман *Доктор Живаго*, экранизация которого в 1965 году со звездным актерским составом (О. Шариф, Дж. Кристи, Дж. Чаплин, А. Гиннесс и др.) была колоссальным кассовым успехом. Пастернак наряду с Ахматовой входил в «интеллигентский» канон русской литературы, постоянно подвергавшийся Кузьминским контркультурной деконструкции. «Боже, какая ДУРА АА была, претенциозная и самовлюбленная! А не скажи, ни-ни, сложили уже образ мученицы, трех мужей пережившей! А стихи — блевантин банальный. Как и весь Пастернак после ‘Сестры’! Как и весь Мандельштам до воронежских: ан нет, нельзя: литературоведы утвердили!» (К. К. Кузьминский — Л. В. Лосеву. 24 декабря 1980. Цит. по: Клотц 2022: 322). См. также в романе *Hotel zum Тюркен*, над которым Кузьминский начал работу сразу по приезде в Вену: «Европа не обеднеет без русской культуры. Достоевского хватит еще лет на 30 (300?) профессорам Чикагского университета, Йейля и Сорбонны, а еще в запасе покойные Ахматова, Мандельштам, Пастернак. Что же печся о живых, когда еще не все покойники съедены, а в России покойники — ой как питательны <...>» (Кузьминский 2013: 27).

Даже проститутка из ночного бара читала и смотрела фильм. — См. письмо Кузьминского художнику Льву Нусбергу, написанное в одно время с комментируемым письмом (август 1975): «Сегодня пойду к Кире Львовне Вольф, милейшей петербургской старушке, дочке и внучке издателей. Она поит меня чаем и ругает Вену, где она с 1920 года. Правда, жила еще в Берлине и Мюнхене. Вот и все мои знакомства, за вычетом четы

⁵ Amherst Center for Russian Culture. Konstantin Kuzminsky Papers. Box 7. (Не опубликовано) Виолетта Исааковна Иверни, жена поэта Василия Бетакки, с 1974 по 1992 г. входила в редакцию журнала *Континент*.

профессоров из Риги, матлингвиста из Ленинграда⁶, журналистки Алены из Москвы⁷ и корреспондента ‘Свенске дагбладет’ Хоффера⁸. Да, еще Роз-Мари, моя переводчица⁹, и помолвленная парочка молодых венцев, которая сейчас в Греции. И еще чешка Кристина, блядь из ночного бара. Познакомились на улице, говорили по-английски. Год работает в борделе, зарабатывает средства на учебу по специальности химик-фармацевт. Валяется Джойс, не читаю. Купил детективов и секс-боевиков, скучно. Пишу роман» (Кукуй 2022: 46–47). Чешка Кристина неоднократно появляется на страницах романа *Hotel zum Тюркен* — текста, который Кузьминский пишет отчасти в пику роману Пастернака: «Я вот посмотрел Джойса и читать не стал. Что-то мне в нем не понравилось. Мне и Беккет не нравится, хотя его и переводил мой друг¹⁰. Друга своего я тоже читать не люблю — уж слишком это хорошо. Литература должна быть похуже. Что-нибудь вроде Микки Спиллейна. Вот кого я читаю с удовольствием! Или, скажем, Борис Пильняк. Правильно его расстреляли. Бориса Пастернака тоже читать невозможно. И еще многих» (Кузьминский 2013: 69–70). Линия бульварной литературы как эстетического ориентира является сквозной для всей венской переписки Кузьминского. См. письмо М. Шемякину от 21 сентября 1975 г.: «Мишенька, погибаю, читать нечего! Ну неужели хоть в Париже нет како-никако художественно-детективно-приключенческо-фантастической русской литературы? Каких-нибудь дешевых ‘пайпер-бэков’? Здесь меня спасает только работа и роман, который я с удовольствием перечитываю» (Кукуй 2022: 113). Здесь Кузьминский выступает в том числе как наследник русских формалистов, питавших интерес к «низким» жанрам (ср. приключенческий роман В. Шкловского и Вс. Иванова *Иприт*, увлечение Л. Гинзбург Натом Пинкертоном и др.).

За этот месяц в Вене я порядком поостыл и начал осматриваться. — Кузьминский прилетел в Вену 9 июля с борзой собакой, которую незадолго до отъезда подарил ему Лев Нусберг, с женой Эммой и с пишущей машинкой «Ундервуд» 1903 года, на которой были отпечатаны все его письма и первая редакция романа *Hotel zum Тюркен*.

Всё это благодатнейший материал для моего романа. — В романе *Hotel zum Тюркен* в гипертрофированной и свойственной Кузьминскому эпатажной форме нашли отражение многие реалии и действующие лица венского периода жизни автора. В то же время было бы неверно рассматри-

⁶ Обитатель отеля «Цум Тюркен» Игорь Шур. См. ниже.

⁷ См. (Кузьминский 2013: 96–99).

⁸ См. ниже.

⁹ Австрийская славистка Розмари Циглер, исследовательница русского авангарда, заинтересовавшаяся неофутуристическими опытами Кузьминского; переводила на немецкий его тексты и помогала ему до своего отъезда в Москву в контактах с западным академическим и литературным миром.

¹⁰ Переводчик и поэт Валерий Молот.

вать его исключительно как попытку создания русскоязычного эквивалента прозы Генри Миллера. Кузьминский попытался воплотить в романе те формальные приемы, которые до того разрабатывал в поэзии (в частности, в «поэме-конструкции» *Вавилонская башня*, 1967–1972), — многоязычие¹¹ и монтаж. Первый прием достигает своего апогея в четвертой части первого тома «De oude para Paul Kruger und la petit courtisane Popole-Poline», на первой странице которой Кузьминский использовал, по его собственному утверждению, 15 языков (Кукуй 2022: 121); второй — во втором томе «примечаний» к роману, над которым Кузьминский работал уже в эпоху интернета и активно задействовал метод копипаста. Подробнее об этом «хулиганском» романе, в центре которого стоит «русский писатель за границей» (Кукуй 2022: 62), см. статью В. Паризи в этом номере журнала.

Вена город провинциальный... — Лейтмотив провинциальной Вены проходит не только через письма Кузьминского, но и через весь эпистолярный, мемуарный и литературный корпус эмигрантской рефлексии. Кристиан Цендер анализирует в своей статье «Смещенный дейксис транзита: венские стихотворения Алексея Хвостенко» (см. в этом номере журнала) мотивы, по которым Ксении Муратовой, приехавшей в Вену двумя годами позже к только что эмигрировавшему Алексею Хвостенко, столица Австрии казалась «захудалым, грязным, тоскливым городом где-то на задворках Европы» (Муратова 2010: 144), и связывает это с транзитным опустошенным пространством Вены, противопоставленным культурному расцвету Парижа как конечной цели Хвостенко (и Муратовой). Кузьминский, также стремившийся в Париж, переводит это впечатление от Вены на весь западный мир, еще толком не встретившись с ним и формируя свое мнение на основе голосов других очевидцев. В письме Виктору Кривулину, включенному в роман *Hotel zum Тюркен* (глава «Пять писем поэтам»), герой романа (= сам автор) пишет: «кошмар. молчание. глухая провинция. но кормят — на убой (пока не убиёшься). в нью-йорке — джунгли, стонет бахчанян: на нем, на ровнере растут лимоны¹². жив волохонский. с ним хамелеон. жена его, скоринкина, пропала¹³. здесь пропадают все. не ездят сюда. и людям не велят: а то поедут!» (Кузьминский 2013: 240).

¹¹ Двухязычным является и заглавие романа, воспроизводящее начало названия отеля латиницей, а конец — кириллицей.

¹² Художник Вагрич Бахчанян и прозаик Аркадий Ровнер — два корреспондента Кузьминского в его венские месяцы. Бахчаняна Кузьминский надеялся видеть оформителем первого издания романа *Hotel zum Тюркен*. «Растут лимоны» — возможно, каламбурное обыгрывание фамилии Эдуарда Лимонова, которого Кузьминский причисляет к «московской группе в Нью-Йорке» (Кукуй 2022: 74)

¹³ Таинственный хамелеон (о котором, по-видимому, рассказал Кузьминскому в несохранившемся письме из Израиля поэт Анри Волохонский), присутствует почти в каждом письме Кузьминского Волохонскому (см. Кукуй 2002: 104, 136, 142). Алла Скоринкина — первая жена Волохонского, эмигрировавшая почти одновременно с Кузьминским, но в качестве «транзитной» остановки по пути в США выбравшая после Вены Рим, где и «пропала» (то есть не писала Кузьминскому).

То, что не интересует венцев, не интересует всю Европу и большую часть Америки. А не интересует их всё. — Кажущееся безразличие венцев к культурным богатствам австрийской столицы (которые для Кузьминского не ограничивались музеями, оперой и концертными залами, ни словом не упоминающимися в его переписке, и включали в себя также аттракционы Пратера, бордели, ночные клубы и комиссионные магазины — см. ниже) можно интерпретировать как одну из причин его отношения к Вене как провинциальному городу и общего разочарования Кузьминского в западном мире. Больше всего его потрясает доступность всего того, чего ему в Советском Союзе столь остро не хватало. Прежде всего это информация, которую нужно было добывать по крупицам и складывать в пазл при отсутствии большей части деталей. Владея английским, Кузьминский в Ленинграде находился в привилегированном положении по сравнению со многими своими коллегами и друзьями; существенную роль в формировании его представления о Западе играли контакты с аспирантами и профессорами, приезжавшими в СССР на стажировку и работу в архивах и библиотеках. Жадность советского интеллектуала до информации трудно переоценить, поэтому на Кузьминского произвела столь невыгодное впечатление вседоступность культурных богатств, эффект перепроизводства культуры как товара и результирующее отсюда безразличие потребителя. (В какой степени это соответствовало истине, предмет отдельного разговора.)

Отто Скорцени и Теодор Герцель... — Otto Skorzeny (1908–1975) — уроженец Вены, один из известнейших немецких диверсантов, офицер СС, организовавший в 1943 году освобождение из заключения и отправку в Мюнхен Бенито Муссолини; Theodor Herzl (1860–1904) — один из теоретиков и основателей сионизма; был похоронен в Вене, но по завещанию Герцля его останки были перевезены в Израиль вскоре после основания еврейского государства, в 1949 году.

Кристине Онассис посвящаются 20 страниц журнала, а греку же Костаки — один столбец. — Скандальное (при этом надо отметить, что скандальность была для Кузьминского скорее позитивной категорией) соседство на кладбище могил нацистского преступника и теоретика сионизма, по мнению Кузьминского, не пользуется у венской читательской публики таким же вниманием, как приезд Кристины Онассис, конкурировать с которой ее соотечественник Георгий Костаки, коллекционер русского авангарда, конечно же, не может¹⁴.

¹⁴ «Великий коллекционер искусства русского, поминаемый у Вознесенского 'Гостаки'-Костаки, самая темная лошадка на российском гипподроме подпольном!» — так именовал Г. Д. Костаки Кузьминский в своей Антологии (АГЛ-4Б: 125). От разговора о Костаки в интервью с Денисом Иоффе Кузьминский уклонился (см.: <https://www.netslova.ru/ioffe/kkk.html> — дата обращения 27.02.2024).

Сюзаннина книжка... — Особое впечатление на Кузьминского произвело то, что книга Сюзанны Масси *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad* (Бродский, Кушнер, Соснора, Горбовский и Кузьминский), вышедшая в 1972 году в Нью-Йорке и Лондоне (Massie 1972), не пользовалась спросом, и автор должен был выкупать экземпляры для подарков друзьям: «Всё издаётся, всё печатается, и никем не читается». Именно встреча с американской писательницей Масси в Павловске в 1967 году послужила решающим толчком к эксцентричному собиранию Кузьминским поэтического архива и работе над антологиями. Не будучи удовлетворен книгой Масси, Кузьминский в начале 1970-х составил два тома своей антологии *Живое зеркало*, в которую, кроме него самого, входили уже 27 поэтов Ленинграда. Характерно, что, как позднее в случае с Г. Ковалевым и Антологией *У Голубой лагуны*, Кузьминский именуется Масси соавтором *Живого зеркала*, хотя непосредственного участия в ее составлении (как и «соавтор» Кузьминского Григорий Ковалев в работе над *Антологией*, см. ниже) она не принимала. Книга Масси стала для Кузьминского на Западе визитной карточкой и козырной картой. «Пятый пиит Санкт-Петербурга Константин Константинович Кузьминский», — так Кузьминский представлялся в письме Вагричу Бахчаняну от 26 августа (Кукуй 2022: 68). Сюзанна Масси приезжала в Вену повидать Кузьминского и сыграла решающую роль в том, что Кузьминский с женой и собакой в феврале 1976 года были приняты на ферму Толстовского фонда в штате Нью-Йорк (США), недалеко от дома Масси и ее мужа, писателя, журналиста и историка Ричарда Масси (1929–2019). Письма Кузьминского к Масси см.: Кукуй 2022.

Владимир Санги... — Владимир Михайлович Санги — советский писатель, член КПСС, секретарь Союза писателей СССР; представитель малого народа нивхов, основатель нивхской литературы и реформатор письменности. К Санги Кузьминский относился иронически (см. стихотворение «Путешествие в Афанасия Никитина»: «и пишет баллады владимир санги/напялив на член сапоги» — АГЛ-2Б: 386), однако отмечал, что поклонником Санги был Григорий Леонидович Ковалев (1939–1999) — слепой любитель поэзии из Ленинграда, друг и «учитель» Кузьминского, которого тот за безупречный вкус и обширные знания сделал соавтором своей *Антологии*.

Я зашел купить настоящий афганский кинжал... — См. начало письма Кузьминского А. Ровнеру и В. Андреевой (конец декабря 1975): «Будучи дошедши (доведен) до отчаяния, порезал вены, используя афганский кинжал. Жена откачала, пошел в сауну, Вену замело, потом ураган, стёкла все повыбиты, от телефона меня отключили, Шемякин звонит Эдику (Зеленину), я лежу (лижу раны), словом, всё в порядке» (Кукуй 2022: 171). О непосредственных причинах попытки суицида (не первой и не последней), связанных с отношениями с художником М. Шемякиным и отчаянии от несбывающихся ожиданий от эмиграции, см. ниже.

Марияхильфштрассе (Mariahilfer Straße) — самая большая торговая улица в центре Вены; в 1975 году еще не была пешеходной (была перестроена в 2013–2015 году), отсюда сопоставление с ленинградским «Бродвеем» — Невским проспектом.

тсантсы (цанцы) — высушенные человеческие головы, служившие военным трофеем у индейских племен Южной Америки. Стены последнего дома Кузьминского на границе штатов Нью-Йорк и Пенсильвания в городке Лордвилль (Кузьминский называл его «Божедомкой») были увешаны холодным оружием и африканскими масками, а пол заставлен африканской скульптурой. Письмо ясно показывает, что Кузьминским движет не столько частый в среде новоэмигрантов товарный шок (хотя и он имел место быть), сколько тот факт, что Кузьминский не делает большой разницы между продуктами духовной и материальной культуры. «А ведь это <ножи, маски и т. д.> тоже произведения КУЛЬТУРЫ!»

...«*не ходите, дети, в Африку!*» — цитата из стихотворения К. Чуковского «Бармалей» (1925). Одним из прототипов Бармаля, возможно, был В. Маяковский (см. Гаспаров 1992). Соотносил ли Кузьминский имя Бармаля со следующим пассажем из книги Чуковского *Футуристы*, которую он знал, неизвестно: «А московским кубо-футуристам нечего больше и сбрасывать. Они уже все с себя сбросили: букву ять, грамматику Кирпичникова, логику, психологию, эстетику, членораздельную речь, — визжат, верещать по-звериному: — Сорча, кроча, буга на вихроль! — Зю цю э спрум! — Беляматокийяй!» (Чуковский 1914: 98). Характерно, что в качестве Африки в письме Кузьминского выступает Европа. Ср. уже цитировавшийся отрывок из письма В. Кривулину: «не ездят ты сюда. и людям не вели: а то поедут!»

Сейчас получил письмо от Джексона (который не сенатор)... — Роберт Льюис Джексон — профессор славянских литератур и языков Университета Йель в 1954–2000 гг., знакомый Кузьминского по Ленинграду и один из его венских корреспондентов. Сенатор Генри Джексон на тот момент был известен Кузьминскому исключительно по знаменитой поправке Джексона-Веника, ограничивающей торговлю США со странами, препятствующими эмиграции (в первую очередь СССР). Спустя несколько недель сенатор Джексон сыграет важную роль в жизни Кузьминского, написав 10 сентября по просьбе Сюзанны Масси письмо в иммиграционную службу США с просьбой разрешить Кузьминскому — «one of the very fine poets from Leningrad and perhaps the best living authority on the Leningrad

¹⁵ Б. Гаспаров связывает это слово с именем Бармаля. Этим словом открывается книга почитаемого Кузьминским А. Крученых *Взорваль* (1913); цитируется также в книге И. Терентьева *Крученых грандиозарь* (1918). Обе книги Кузьминскому с высокой степенью вероятности были знакомы.

cultural scene» — въезд в США. Это письмо Кузьминский полностью включил в роман *Hotel zum Туркен* (Кузьминский 2013: 170) и носил с собой по Вене, предъявляя в случае необходимости доказать свой авторитет.

...моя библиотека — в голове. — За невероятную память Кузьминского называли в Ленинграде «бродячий магнитофон» (см. Трофименков 1990). Способность часами декламировать стихи наизусть помогла Кузьминскому не только в период транзита в Вене, но и позднее в США, так как его архив, отправленный весной 1975 года дипломатической почтой через голландское посольство в Москве в Израиль, застрял там на несколько лет. «Архивный» сюжет — одна из центральных тем венской переписки Кузьминского — на момент комментируемого письма был в будущем.

Плюс еще экскурсоводческий и лекционный опыт. — Одно время Кузьминский работал англоязычным экскурсоводом в Павловском дворце, где в 1967 году познакомился с Сюзанной Масси, а в 1966 году — с Генрихом Бёллем. В отличие от Масси, знакомство с Бёллем не получило развития. Письмо Кузьминского Бёллю из Вены см. Кукуй 2022: 84–89.

Машинистки здесь нужны, а поэты — нет. — Машинописные работы для Кузьминского в Ленинграде перед эмиграцией выполняла Наталья Лесниченко, которую познакомил с Кузьминским поэт и политическая активистка Юлия Вознесенская. Лесниченко Кузьминский назначил своей секретаршей и первое время в Вене надеялся, что она эмигрирует и сможет и далее помогать ему в работе. См. письмо Кузьминского Сюзанне Масси от 17 декабря 1975 года: «А я без секретарши погибаю, она уже стала нам родной в семье, и вдобавок у меня уже ноготь на пальце до мякоти сбит: одним пальцем же работаю!» (Кукуй 2022: 159). В этом же письме Кузьминский пишет об обстоятельствах предполагаемого выезда Лесниченко по еврейской линии через брак с поэтом Геннадием Гумом: «Он сирота, детдомовец, и поэтому в паспорте русский, хотя на самом деле — еврей. Он заказал приглашение в Израиль, но начинать надо моим методом: сначала в Канаду, а когда откажут — выложить израильское. Он поедет сам по себе, а она — ко мне. В Вене заявят, что они „сепарейтед“, и начнут развод» (там же). Впоследствии Кузьминский сыграл роковую роль в судьбе Лесниченко и Вознесенской, послав последней обычной почтой письмо с осуждением ее правозащитной деятельности и назвав в письме ряд имен, причастных к диссидентским акциям в Ленинграде. Аналогичное письмо Лесниченко было послано с оказией. Почта Вознесенской перлюстрировалась КГБ; ряд людей, в том числе Вознесенская и Лесниченко, были арестованы. Кузьминский свою вину в аресте Вознесенской и др. не признал (см. Кузьминский 2005), но большую часть времени в Остине посвятил переводу на английский дневника Вознесенской и уча-

стию в съемке одноименного телевизионного фильма о ней¹⁶. Материалы из дела Юлии Вознесенской и ее дневника были опубликованы Кузьминским в *Антологии* (том 5Б), в том числе письма Вознесенской Кузьминскому от 19 и 25 августа о его преступном легкомыслии и несвоевременности его писем (АГЛ-5Б: 367–370). Комментируемое письмо составлено с гораздо большей осторожностью: в нем не упоминаются ни имя адресата, ни имена «всех, всех, всех», которых он целует в конце.

Редкостный умница Игорь... — Игорь Шур, один из обитателей отеля «Цум Тюркен», впоследствии директор «пансиона мадам Кортус» на Хакенгассе 20–21, куда чету Кузьминских переселили из отеля в начале сентября.

Толстой же опекает нашу братию дефективных — художников, поэтов... — Поскольку Кузьминские не планировали лететь в Израиль, что не было редкостью, в Вене ими занимались не еврейские государственные и благотворительные организации, а Толстовский фонд. На попечении этого фонда Кузьминские оставались также и первые полгода в Америке до того, как переехали в Остин, где Кузьминский получил полугодовой преподавательский контракт.

Миша Шемякин... — С художником Михаилом Шемякиным Кузьминского связывала многолетняя дружба и совместные творческие проекты. Первым из них должен был стать журнал *Возрождение*, выходивший в Париже с 1949 года, редактором которого был князь Сергей Сергеевич Оболенский. Последний номер журнала вышел в 1974 году, и Шемякин планировал сделать из журнала литературно-художественный орган третьей волны русской эмиграции. Литературной частью журнала должен был заниматься Кузьминский, и значительная часть венской переписки второй половины сентября была посвящена обсуждению издательских планов с потенциальными авторами и самим Шемякиным, финансировавшим издание. Буквально через пару недель на этом проекте пришлось поставить крест: Оболенский, предполагавший вести в журнале богословский отдел, по словам Кузьминского, «прочитав Мамлеева, получил инфаркт» (Кукуй 2022: 98), и журнал возрожден не был. Сразу после этого возникла идея с альманахом, впоследствии реализовавшаяся в знаменитый литературно-художественный альманах *Аполлон-77*. Кузьминский предоставил в альманахе значительную часть литературных материалов, многие из которых был вынужден приводить по памяти. Однако с совместной работой возникли две проблемы. Первую Кузьминский озвучил в письме Аркадию

¹⁶ Yulia's Diary (США, 1980), режиссер Уильям Крэн (William Cran). В роли Юлии Вознесенской — Виктория Федорова; в роли Константина Кузьминского — Константин Кузьминский.

Ровнеру от 3 октября 1975 года: «Попытки сделать альманах силами Бокова и Черткова меня не привлекают, я привык сам по себе» (Кукуй 2022: 98) — Кузьминский рассчитывал, что над литературной частью альманаха будет работать единолично, и в данном случае не был заинтересован в соавторах¹⁷. Второй проблемой была невозможность поехать во Францию и делать альманах на месте: фремпасс Кузьминскому не выдавали, а лессе пассе¹⁸, воспетое впоследствии Алексеем Хвостенко в «Песне о собаке друга, проглотившей известные важные бумаги», не давало Кузьминскому возможности вернуться в Вену. Первоначальный энтузиазм в адрес Шемякина, выраженный в комментируемом письме Лесниченко, — *self made man*, тяжелым трудом добывающий себе хлеб и славу, невзирая на эксплуатацию жадными галеристами, — со временем сменяется разочарованием и раздражением, приводит к ссоре и даже к попытке самоубийства Кузьминского в конце декабря 1975 года: «Всё ждал: придет Шемякин из Штатов, отчитается, я поеду в Париж, и примемся за работу. Приехал Шемякин из Штатов, позвонил один раз, сообщил, что дал восемь интервью, пообщался с московской колонией, привез материалы, печатать их некому, сам же горит с выставкой. А я связан по рукам и ногам австрийской полицией, паспорта мне не дают, ‘нет’ не говорят, хожу, обиваю пороги, виза (в Америку) катастрофически близится к концу, а в Париже, похоже, меня не очень ждут... Толстовский фонд записал меня на январь на высылку, вот в таком состоянии я и сижу. Сил никаких нет бороться с этим роком (в лице полиции), остается подчиниться и ехать, как все. <...> Всё это меня огорчает до крайности. Месяц уже лежу, глядя в потолок и читая советскую литературу за неимением в Вене другой. И ничего не поделаешь — судьба эмигранта» (Письмо Кузьминского А. Ровнеру и В. Андреевой от 19 декабря 1975 г. — Кукуй 2022: 161–162).

Все книги есть в «Интербуке». — Магазин «Das Internationale Buch», располагавшийся на улице Грабен 29–29А, принадлежал издательству Коммунистической партии Австрии „Globus“ и специализировался на продаже литературы из СССР и Болгарии. Издательство просуществовало до 1993 года.

На интервью не зарабатываешь, дал одно в «Свенске дагбладет». — Напечатанным это интервью обнаружить не удалось. Журналист стокгольмской газеты *Svenska Dagbladet* Петер Хоффер появляется на страницах романа *Hotel zum Тюркен* (Кузьминский 2013: 77).

¹⁷ Кроме двух указанных выше фиктивных соавторств — Масси в *Живом зеркале* и Ковалева в *Голубой лагуне*, — следует отметить реальное соавторство Кузьминского с А. Очеретянским и Дж. Янечком в составлении сборника «Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия» (*Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 21. Wien, 1988)

¹⁸ Fremdenpass (нем.) — международный паспорт для лиц без гражданства; laissez-passer (фр.) — одноразовый документ для пересечения границы.

Пишу роман. — Роман *Hotel zum Тюркен* и переписка взаимно комментируют друг друга, являясь в то же время двумя зеркалами разной степени преломления той реальности, которую они отражают. Кузьминский зачастую писал (вернее, печатал) по несколько писем в неделю (иногда в день), неизбежно повторяясь в описании и оценке реалий. В процессе этого повторения, часто почти дословного, и одновременно сильного отстранения непосредственных впечатлений в романе, который Кузьминский пишет параллельно, происходил феномен своеобразного самокодирования: определенные идеологемы в буквальном смысле слова впечатывались в сознание, оставляя нестираемый след в венском тексте Кузьминского. Впоследствии то же самое произойдет на страницах *Антологии*, в которой идиосинкратический автокомментарий о литераторах и художниках занимает едва ли не большее место, чем сами поэтические тексты. В то же время роман и письма позволяют по-разному взглянуть на проблему гибридности жанров нон-фикш, которые практиковал Кузьминский и которые являются, на мой взгляд, одной из самых сильных сторон его литературного творчества, включающей в себя не только роман, но и «сопровождающие» его письма.

И жалеть не о чем. Ностальгия пока еще не ощущается, и у моих друзей ни у кого тоже. Впитываю информацию как губка. Потом выдам. — История венского транзита Константина Кузьминского — это история разочарования, несмотря на его оптимистичное утверждение в начале венской переписки: «Разочарования не наступило: я и не был очарован»¹⁹. Причины этого разочарования с одной стороны, предсказуемы — высокомерие в адрес Запада как средство преодоления первоначального культурного шока, объективные трудности в борьбе с австрийской бюрократией, неоправдавшиеся ожидания в реализации издательских планов и т. д. К чести Кузьминского надо сказать, что он не отчаялся и не стал идти на компромиссы, которые, возможно, могли бы решить ряд возникших проблем в его социализации, а сохранил органику собственной личности, что впоследствии помогло ему не только продолжать «впитывать в себя информацию, как губка», но и «выдать» ее, воздвигнув себе памятник в виде уникальной девятитомной *Антологии* — коллажного романа о любви ее составителя к персонажам своей книги²⁰ и русской поэзии в целом. И, вероятно, слова Кузьминского в письме Сюзанне Масси от 16 января 1975 года — «Я не жалею об этих полугода <sic!>, потраченных на акклиматизацию в иноязычной Вене. Тем легче будет в Америке» (Кукуй 2023) — были не только искренни, но и отражают роль того полугодичного транзита, ко-

¹⁹ Письмо Р. и Л. Джексонам от 25 августа 1977 года (Кукуй 2022: 62).

²⁰ См. слова одного из авторов *Антологии* писателя Юрия Милославского: «Это не Антология. Это — роман в форме антологии, и все мы, — или не мы? — герои его романа» (Милославский 1985: 320).

торый пришлось пережить Кузьминскому по пути в страну, которую он после своего приезда в феврале 1976 года уже не покидает.

Автор благодарит П. Казарновского, Н. Лесниченко, Г. Суперфина, О. Ханзена-Лёве и П. Чейгина за помощь в подготовке к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьев Иван. «К. К. Кузьминский и Москва. Предварительные выкладки». Кукуй Илья (сост.). *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов.* Москва; Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022: 536–561.
- Боулт Джон. «‘Для него литература была жизнь’. Беседа Леонида Межибовского с Джоном Боултом 25 августа 2020 года». Кукуй Илья (сост.). *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов.* Москва; Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022: 216–220.
- Боулт Джон. Вспоминая ККК. Видеолекция в рамках конференции «Вавилонская башня», 5–6 марта 2022, Санкт-Петербург. https://www.youtube.com/watch?v=_E84xbBEyGg (дата обращения 24.02.2024).
- Гаспаров Борис. «Мой до дыр». *Новое литературное обозрение* 1 (1992): 304–319.
- Гришков Олег и др. (сост.). *Первая английская*. [сборник архивных документов, воспоминаний и фотографий школы №213]. Санкт-Петербург: Диалог, 2006.
- Клотц Яков (сост., примеч., вступ. ст.). «Переписка Льва Лосева с Константином Кузьминским». Кукуй Илья (сост.). *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов.* Москва; Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022: 281–335.
- Кузьминский Константин. «Дневник Юлии» и другие документы (2005). <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/YulVoz1.htm> (дата обращения 28.02.2024).
- Кузьминский Константин. *Hotel zum Tuerken. Вроде бы роман.* Том 1. Вена; Техас; Нью-Йорк; Куринохуйск (СПб.). Последний подвал, 1975–1999–2003–2013.
- Кукуй Илья (публ.). «На пути к Голубой Лагуне: письма Константина Кузьминского из Вены (август 1975 — январь 1976)». Кукуй Илья (сост.). *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов.* Москва; Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022.
- Милославский Юрий. «Диалогоподобная беседа двух литераторов о еще трех (томах ‘Антологии Голубой Лагуны’ Константина К. Кузьминского: 2а, 4а и 4б)». *Мулета Б: Семейный альбом.* Париж, 1985: 318–326.
- Морс Энсли. «‘Профессоров, полагаю, надо вешать’: Константин Кузьминский как посредник между неофициальной культурой и американским академическим истеблишментом». Кукуй Илья (сост.). *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его антология. Сборник исследований и материалов.* Москва; Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press; Библиороссика, 2022: 182–215.
- Муратова Ксения. «К истории создания некоторых стихотворений А. Хвостенко 1970-х годов». *Про Хвоста.* Москва: Пробел-2000, 2010: 130–153.
- Трофименков Михаил. «Такелажник, поэт, ‘бродячий магнитофон’». *Смена.* 1990. 1 июня.
- Чуковский Корней. *Лица и маски.* Санкт-Петербург: Шиповник, 1914.
- Massie Suzanne. *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad.* New York: Doubleday, 1972. — То же: London: Gollancz, 1972.

REFERENCES

- Ahmet'ev Ivan. "K. K. Kuz'minskij i Moskva. Predvaritel'nye vykladki". Kujuk Il'ya (sost.). *Na beregah Goluboj Laguny: Konstantin Kuz'minskij i ego antologiya. Sbornik issledovanij i materialov*. Moskva; Boston; Sankt-Peterburg: Academic Studies Press; Bibliorossika, 2022: 536–561.
- Boult Dzhon. "Dlya nego literatura byla zhizn'. Beseda Leonida Mezhibovskogo s Dzhonom Boultom 25 avgusta 2020 goda". Kujuk Il'ya (sost.). *Na beregah Goluboj Laguny: Konstantin Kuz'minskij i ego antologiya. Sbornik issledovanij i materialov*. Moskva; Boston; Sankt-Peterburg: Academic Studies Press; Bibliorossika, 2022: 216–220.
- Boult Dzhon. Vspominaya KKK. Videolekciya v ramkah konferencii "Vavilonskaya bashnya", 5–6 marta 2022, Sankt-Peterburg. https://www.youtube.com/watch?v=_E84xBEYgG (data obrashcheniya 24.02.2024).
- Chukovskij Kornej. *Lica i maski*. Sankt-Peterburg: Shipovnik, 1914.
- Gasparov Boris. "Moj do dyr". *Novoe literaturnoe obozrenie* 1 (1992): 304–319.
- Grishkov Oleg i dr. (sost.). *Pervaya anglijskaya: [sbornik arhivnyh dokumentov, vospominanij i fotografij shkoly № 213]*. Sankt-Peterburg: Dialog, 2006.
- Klotc Yakov (sost., primech., vstup. st.). "Perepiska L'va Loseva s Konstantinom Kuz'minskim". Kujuk Il'ya (sost.). *Na beregah Goluboj Laguny: Konstantin Kuz'minskij i ego antologiya. Sbornik issledovanij i materialov*. Moskva; Boston; Sankt-Peterburg: Academic Studies Press; Bibliorossika, 2022: 281–335.
- Kujuk Il'ya (publ.). "Na puti k Goluboj Lagune: pis'ma Konstantina Kuz'minskogo iz Veny (avgust 1975 — yanvar' 1976)". Kujuk Il'ya (sost.). *Na beregah Goluboj Laguny: Konstantin Kuz'minskij i ego antologiya. Sbornik issledovanij i materialov*. Moskva; Boston; Sankt-Peterburg: Academic Studies Press; Bibliorossika, 2022.
- Kuz'minskij Konstantin. "Dnevnik Yulii" i drugie dokumenty (2005). <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/YulVoz1.htm> (data obrashcheniya 28.02.2024).
- Kuz'minskij Konstantin. *Hotel zum Tyurken. Vrode by roman*. Tom 1. Vena; Tekhas; N'yu-Jork; Kurinohujsk (SPb.): Poslednij podval, 1975–1999–2003–2013.
- Massie Suzanne. *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad*. New York: Doubleday, 1972. — То же: London: Gollancz, 1972.
- Miloslavskij Yuriy. "Dialogopodobnaya beseda dvuh literatorov o eshche trekh (tomah 'Antologii Goluboj Laguny' Konstantina K. Kuz'minskogo: 2a, 4a i 4b)". *Muleta B: Semejnyj al'bom*. Parizh, 1985: 318–326.
- Mors Enslī. "'Professorov, polagayu, nado veshat'": Konstantin Kuz'minskij kak posrednik mezhdū neoficial'noj kul'turoj i amerikanskim akademicheskim isteblishmentom". Kujuk Il'ya (sost.). *Na beregah Goluboj Laguny: Konstantin Kuz'minskij i ego antologiya. Sbornik issledovanij i materialov*. Moskva; Boston; Sankt-Peterburg: Academic Studies Press; Bibliorossika, 2022: 182–215.
- Muratova Kseniya. "K istorii sozdaniya nekotoryh stihotvorenij A. Hvostenko 1970-h godov". *Pro Hvosta*. Moskva: Probel-2000, 2010: 130–153.
- Trofimenkov Mihail. "Takelazhnik, poet, 'brodyachij magnitofon'". *Smena*. 1990. 1 iyunya.

Иља Кукуј

„УПИЈАМ ИНФОРМАЦИЈУ КАО СУНЂЕР“:
ОПШИРНИ КОМЕНТАР ЈЕДНОГ БЕЧКОГ ПИСМА
КОНСТАНТИНА КУЗМИНСКОГ

Резиме

Месеци које је песник Константин Кузмински провео у Бечу (1975–1976) пресудно су утицали на обликовање његове слике о западном свету и његовим итељима, а посебно

његовим представницима који су били директно везани за област интересовања Кузминског: савремену незваничну руску поезију и визуелне уметности, могућности њене пропаганде и ширења те, наравно, сопствене перспективе, како песника, тако и критичара културе. Користећи материјал једног необјављеног писма, чланак говори о питањима, проблемима и темама које се огледају у преписци и прози Кузминског, а такође и карактерише његову личну ситуацију у бечком транзиту.

Кључне речи: совјетска емиграција, незванична совјетска култура, Беч, Константин Кузмински.